

УДК 821.161.2-3.09+159.98
ORCID iD 0000-0003-3249-4941

Мариям Арпентьева

БУЛЬВАРНЫЙ РОМАН: ПОВСЕДНЕВНЫЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Бульварный роман (бульварная литература, бульварное чтение) — жанр массовой литературы, повествовательные книги без выраженного художественного и культурного значения. Бульварный роман с момента его проникновения в СНГ стал предметом многочисленных дискуссий. Однако, как и многие другие «маргинальные» жанры художественной литературы, обладающие не столько художественной, сколько «мифотворческой» функцией, бульварный роман во многом остается обойденным вниманием исследователей. Популярность последнего и его сходство с традиционными мифами во многом объясняется его внешней простотой, способностью развлечь и отвлечь читателя, помочь в решении проблем отношений с другими людьми и выхода из кризисных ситуаций. Однако его воздействие выходит далеко за пределы ситуативного настроения читателя.

Ключевые слова: бульварный роман, миф, интертекст, литературные формулы, психотерапия.

Актуальность исследования. В последнее время в связи с появлением на книжном рынке России бульварного романа как отдельного вида художественных произведений многие исследователи пытались раскрыть секрет его «неоправданного» успеха у российских читателей, воспитывавшихся на произведениях классической мировой и отечественной литературы [3–5; 9; 11–12; 16–17].

Опыт исследования бульварных романов. Бульварный роман (чиклит, «розовый» роман для женщин и / или «черный» роман для мужчин) с момента его проникновения в страны СНГ стал предметом многочисленных дискуссий. Популярность бульварного романа во многом объясняется его внешней простотой, способностью развлечь и отвлечь читателя. Однако, как показывает даже поверхностный анализ языка бульварного романа, его воздействие выходит далеко за пределы ситуативного настроения читателя. Многие, особенно «хорошо написанные» произведения этого жанра, основаны на реальных историях

любви и ненависти, потерь и обретений, кризисов и преодолений в развитии личности, ее отношений с миром. Многочисленные вариации одного сюжета в интерпретациях разных авторов позволяют рассматривать бульварный роман как некий «гипертекст», смысл которого обнаруживается во взаимодействии и взаимном наложении отдельных текстов. Бульварный роман, написанный для неискушенного читателя, так же, как и роман «психологический», написанный для искушенных читателей, как феномен конца XX века обладает свойством интертекстуальности [2; 6–8; 13–15; 17]. Однако если в классической литературе и современном «психологическом романе» интертекстовые связи реализуются в пределах одного текста как интертекста, то в бульварном романе они устанавливаются только тогда, когда читатель знаком по крайней мере с несколькими отдельными текстами. Или если «наивный текст» бульварного романа становится объектом внимания «искушенного читателя». Однако, как правило, последний обходит вниманием данный продукт: в силу отчасти справедливого

нежелания довольствоваться разбавленным «мылом» в противовес возможности наслаждаться перегруженными смыслом современными «психологическими романами».

Вместе с тем функция бульварного романа как явления заключается в трансляции читателю некоторых базовых эффективных моделей отношений и поведения в повседневных и кризисных ситуациях — личной и профессиональной жизни, обучении этим моделям. Многие из них в разной мере открыто описывают психотерапевтически ориентированные отношения и подчас построены на основе психотерапевтических представлений о развитии личности и ее отношений. Поскольку этот аспект бульварных романов остается наименее изученным, мы обратились к его анализу [1–2].

Цель, метод и процедура исследования. Для этого использовался метод контент-анализа, широко известный как в филологии, так и в психологии.

Поскольку бульварный роман не представляет собой гомогенной группы: в него входят две основные подгруппы — романы «для женщин» (романы о любви, «розовые» романы) и романы «для мужчин» (экшн-детективы, «черные» романы), в проведенном исследовании они были разделены и сопоставлены друг с другом [1–2].

Контент-анализ романов «для женщин» и «для мужчин» осуществлялся нами в нескольких направлениях:

1) анализ представлений о психотерапевтических возможностях обыденных (повседневных) межличностных отношений;

2) анализ представлений о психотерапевтических отношениях и психотерапии.

Анализ психотерапевтических возможностей обыденных (повседневных) межличностных отношений включал ряд аспектов:

а) анализ представлений о распределении и содержании ролей «психотерапевта», «клиента» и «супервизора» в обыденных взаимоотношениях;

б) анализ ситуаций, выступающих как психотерапевтические — условия, при которых

ситуация взаимодействия становится психотерапевтической.

Анализ представлений о психотерапевтических отношениях и психотерапии в бульварной литературе включал:

а) анализ представлений о содержании психотерапии, ролей «психотерапевта», «клиента», «супервизора»;

б) анализ психотерапевтических ситуаций — условий, при которых ситуация взаимодействия приобретает статус психотерапевтической (развивающей).

Обыденные психотерапевтические отношения в романах «для женщин» и «для мужчин». В рамках первого направления исследований проведен контент-анализ 30 отобранных текстов «любовных романов», принадлежащих 30 известным авторам (Дарси Э., Браун С., Лэм Ш., Макнот Дж., Кинсейл Л., Ричмонд Э., Джордан П., Робертс Н. и др.), а также 30 текстов «мужских романов» (Щербаков Д., Быстров А., Ильин А, Деревянко И., Руденко Б. и др.), с явным «психотерапевтическим содержанием» и наличием «психотерапевтической ситуации»: присутствие героя (героев), которому (которым) требуется психологическая помощь; и героя (героев), который (которые) оказывает эту поддержку; описание ситуации психотерапевтического контакта, различных его стадий). В результате выделено несколько типов действующих лиц, претендующих на звание «психотерапевтов» и / или «посредников», «клиентов», «супервизоров», а также проблемных ситуаций, служащих как источниками психологической травмы, так и психотерапевтическими (развивающими) ситуациями. Если свести их в единую таблицу, можно получить матрицу, позволяющую во многом отразить разнообразие сюжетов любовных романов.

Так, в табл. 1 приведены наиболее распространенные варианты развития взаимоотношений и соответственно их противоречий в «женских романах», а в табл. 2 — основные варианты сюжетов «мужских романов».

Таблица 1

Сценарии взаимоотношений в «романах для женщин»

Ситуации или состояния	Женщина	Мужчина	Подруга, друг	Соперник(ца)	Ребенок, дети	Двойники	Родители	Прадеды	Сотрудники	Животные	Предмет
Рождение — смерть					■						
Мнимая смерть — кома		■					■	■			
Свадьба — развод	■					■			■		

Увольнение — новая работа													
Побег — возвращение, встреча													
Беременность — аборт													
Неожиданная свобода — заключение, похищение													
Новаторство-традиции													
Опасность-рутина													
Насилие-поддержка													
Разрушения — строительство													
Одиночество — вечеринки													
Монастырь — разврат													
Девственность — проституция													
Путешествие — оседлость													

Таблица 2

Сценарии взаимоотношений в «романах для мужчин»

Ситуации или состояния	Женщина	Мужчина	Друзья	Враг, соперник	Ребенок, дети	Двойники	(Пра)родители	Начальство	Сотрудники	Животные	Предмет
Рождение — смерть											
Мнимая смерть — кома											
Свадьба — развод											
Увольнение — новая работа											
Побег — возвращение, встреча											
Ранение — исцеление											
Освобождение — заключение, похищение											
Новаторство — традиции											
Опасность — рутина											
Насилие — поддержка											
Разрушения — строительство											
Одиночество — компании											
Честь — Бесчестие											

Похоть — любовь											
Путешествие — оседлость											

Как видно из таблиц 1, 2, ситуации, служащие «поводом» для начала обыденной психотерапии в мужском и женском романах во многом сходны, однако сюжеты (сценарии их развития) значимо различны.

1. Так, в женских романах большее внимание уделяется непосредственно отношениям главных героев — мужчины и женщины, в которых психотерапия — путь достижения гармоничных, «недефициентных», по А. Маслоу [10], отношений; отношениям, интимно-личностного плана, их возможностям и ограничениям. В мужском романе — «деловым отношениям», их возможностям и ограничениям, как таким, которые мешают или способствуют психологическому взрослению и решению психологических проблем героев, их отношениям.

2. В мужских романах четче противопоставляются любовь (принятие) и непринятие, любовь и власть, однако средства достижения этих двух типов отношений часто сходны — прояснение ситуации на уровне ее понимания, а также преобразования — по «идеальным моделям» и на основе ценностей героя («всех поставить на свое место»). В женских романах показано противоречивое единство любви и ненависти-власти, исследуются различия способов создания и поддержания разных типов отношений, «идеальная модель героев» — часто результат совместного осмысления.

3. В мужских романах психотерапия представляется больше как решение познавательной и технологической «задачи», а не духовное общение двух людей. «Психотерапевт» чаще апеллирует к конкретным представлениям о сути психотерапевтической помощи и психотерапевтических отношений, банализируя и оплощая профессиональные — обычно психоаналитические и поведенческие — модели психотерапевтического воздействия на основе постулатов «повседневной мудрости», «фолк-психологии», типа «клин клином вышибают» и т. д., чтобы ощутить способность контролировать себя и другого человека, а также (в перспективе) — весь окружающий мир. В женских романах большее внимание уделяется сложности реальных человеческих отношений, критическое осмысление профессиональной психотерапии, отсюда — большее внимание к экзистенциально-гуманистическим принципам и техникам помощи — стремление «проникнуть под кожу» «клиента» («глубокое понимание»), чтобы затем одухотворить понимание человеком себя и мира, привести в него веру в любовь.

В первом столбце таблиц 1, 2 представлены типичные «психотерапевтические» (реально или потенциально) ситуации или состояния, выступающие как:

1) ситуации «столкновения с реальностью» или с «реальностью другого», в которых субъект (герой, героиня) обнаруживает необходимость пересмотра своих представлений о себе и мире и / или необходимость помощи другим в их пересмотре (30 %). В данном случае мы имеем дело с героями, заинтересованными друг в друге (отношениях друг с другом) и / или обладающими выраженным стремлением к развитию личной силы (зрелости) через развитие ресурсов, что и побуждает их выйти на прямой конфликт с ситуацией и другим человеком, создавшим эту ситуацию;

2) длительно складывавшаяся ситуация, которая выступает центром конфликта — внутриличностного или межличностного — и которая требует преобразования с помощью психологических средств, поскольку иные попытки решить ее не имели или не имеют, или не могут иметь никакого результата (60 %). В этом случае «клиент» длительное время стремился скорее адаптироваться и «удержаться», чем развить свои ресурсы и / или считать травмирующий опыт обычным, не ожидая помощи или принятия со стороны других людей.

3) необычная или привычная ситуация, которая выступает как источник психологической травматизации личности и вместе с тем как источник нового опыта — ситуация «реперезивания» и переосмысления человеком себя и мира (10 %), в последнем случае успешность помощи, что связано как с усилиями участников ситуации — «клиента» и «психотерапевта», заинтересованных в личностном росте клиента и развитии взаимоотношений друг с другом, так и их личностными особенностями (необычность и сила личности — ее развитие как преодоление собственных ограничений). Т. е., речь идет о трех типах ситуаций: 1) потенциально травматичных, если субъект не изменит свое понимание и поведение; 2) актуально травматичных, из которых субъект не может или не хочет искать выход; 3) имеющих двойственное психологическое значение — провоцирующих в силу своего сходства актуализацию «непроработанного» (травматического) опыта и содержащих в себе возможности его осмысления.

В качестве «психотерапевтов» выступают:

1) главные герои, в отношениях которых разыгрывается основной конфликт, возникает непонимание, обычно обнажаются «отложенные»

конфликты, самонепонимание и / или непонимание других людей (80 %). Они имеют собственный опыт решения аналогичных проблем, о котором кроме них, да еще их «супервизоров», даже никто не догадывается — столь полно переработан сходный травматичный опыт;

2) окружающие — дети и родители, а также подруги и друзья главных героев, иногда животные, провоцирующие возникновение в жизни героев необычных ситуаций и ситуаций, в которых актуализируется необходимость осмысления «жизненной рутины» героев (10 %). Иногда это умудренные жизнью или, напротив, невинные, и потому мудрые, субъекты, способные видеть «клиента» и его мир таким, каков он есть;

3) более «отдаленные» от героев субъекты, столкновение с которыми побуждает героя задуматься о точности понимания себя и мира (10 %). Могут просто представлять альтернативный имеющемуся у клиента способ осмысления мира и/или быть основателями какого-либо духовного учения и т. д.

К группе консультантов «примыкают» «супервизоры». В качестве таких выступают:

1) окружающие героев близкие люди (40 %), помогающие осознать «клиентам» необходимость изменения и возможные направления этого изменения;

2) эпизодически появляющиеся «посторонние» люди — феномен «вагонной психотерапии», чье поведение и опыт резко отличаются от таковых у окружающих героев людей (13.3 %);

3) один из героев — «более психологически зрелый» (46.7 %), чье поведение демонстрирует в некоторые моменты существенные «отклонения» от представлений «клиента» о «нормальных» способах понимания и поведения.

В качестве «клиентов» выступают:

1) главные герои, не понимающие ту или иную часть своего жизненного опыта и / или межличностных отношений (90 %). Это связано как с нежеланием понимать — частичностью понимания и использованием защит от понимания, так и с неспособностью понять себя и мир, связанный с отсутствием опыта принятия (толерантности) и / или ранним формированием дисфункциональных представлений о себе и мире в условиях подавления осознания (насилие в семье или секте и т. п.);

2) окружающие героев близкие люди (10 %), которых герои воспитывают, защищают или помогают решить конкретные жизненные проблемы, выйти из того или иного кризиса — хронической или «острой» природы (10 %). Проблемы этих клиентов сходны с проблемами предыдущих, добавляются также особенности культурно-исторического контекста развития «клиента» — с культурно-историческими нормативами поведения, понимания и ценностей («конфликт поколений» и т. п.);

3) в качестве «дополнительных сюжетных линий» намечаются и другие группы клиентов, например те, кто в отличие от двух предыдущих групп не в состоянии справиться со своими проблемами — из-за генерализованности последних и личностной слабости — и потому, что помощь им не может быть оказана, либо будет бесполезной в силу различных внутренних и внешних обстоятельств (20 %) (например, невозможности «наскоро сделать что-нибудь хорошее» никому, в том числе и себе, — не нужные, одинокие люди.

Профессиональные психотерапевтические отношения в романах «для женщин» и «для мужчин». В бульварной литературе описание профессиональных психотерапевтических отношений встречается реже и обычно как критическая пародия на «профессионализм» консультанта (Робертс Н., Кинсейл Л., Браун С., Макнот Дж., Линдсей Дж. и др.). В этом смысле отношение практиков и теоретиков профессиональной психотерапевтической помощи к бульварной литературе и обыденному пониманию, во многом отраженному в ней, включают упоминания о «примитивности», «навязчивости», «малоосознанности» и т. д. Как показывают данные контент-анализа «любовных романов», критическое отношение «обыденного сознания» к профессиональной терапии может быть достаточно точным (табл. 3). Проанализированные примеры позволили выявить несколько важных моментов.

1. Возможности обыденной психотерапевтической помощи в решении проблемы взаимоотношений и личностного развития героев (на уровне изменения их поведения, способов понимания происходящего и ценностей) близки к возможностям профессиональной психологической помощи, в которой один человек действительно заинтересован в том, чтобы понять и помочь другому, сохранить и / или развить с ним отношения.

2. В обыденной психологической помощи мы встречаемся с несколькими типами схем понимания, типичных для психоанализа, экзистенциально-гуманистической и когнитивной психотерапии, используемых как совместно, так и в привлекаемых по мере поиска «действительной» проблемы путей ее решения.

3. Эффективность помощи противопоставляется успешности, поэтому «долгий поиск себя» не есть «потерянное время», но, напротив, «подготовка к более решительному шагу», быстрые изменения рассматриваются как «подозрительные», требующие «проверки», если не соотнесены с коренным изменением жизни субъекта, его отношений с другими людьми.

4. Происходит «интеграция» психологического, духовного и психофизиологического аспектов помощи и развития личности

и межличностных отношений — начинаясь на одном уровне, общение «захватывает» и преобразует остальные.

5. Больше, чем в ситуации профессиональной психотерапевтической помощи, изначально более определенной («якорь понимания»), имеет значение понимание героями ситуаций их взаимодействия, которые носят вследствие обнаружения взаимного непонимания конфликтный характер — наблюдаются постоянные попытки их осмысления и переосмысления как «позитивных», «негативных» и «непонятных», попытки понять себя и другого в контексте этих ситуаций.

6. Кроме того, перед обыденными «психологом» и «клиентом» стоит задача понимания не только «клиента», но и самих себя — как клиентов и как психотерапевтов — важности собственного понимания и важности быть понятым и понятым другим и т. д.

В профессиональной же ситуации основными фокусами являются понимание психологом клиента и самопонимание клиента, все остальное активизируется позднее — обычно при необходимости более глубокого и «детального» осмысления трудностей и критических моментов психотерапевтического взаимодействия, связанных с поведением и состоянием клиента и / или консультанта, или как момент рефлексии — по окончании встречи. В этом смысле обыденный психотерапевтический контакт более «мобилен»: обратные и прямые связи более интенсивны.

Однако важно разделять постоянную психотерапевтическую помощь — в обыденных, некризисных ситуациях, где существует больше, чем в профессиональном взаимодействии, ограничений на прямую и обратную связь и где она дается эпизодически, формируя у клиента представление о «жизненно важном событии» (моментах, разговоре, «поворотном пункте»), и кризисную психотерапевтическую помощь, связанную с изменением жизненной ситуации героев, где такое «превосходство» обыденной помощи перед профессиональной становится наиболее выпуклым (где «поворотные моменты» образуют целую цепочку, благодаря чему происходит почти полная инверсия понимания клиентом себя и / или окружающего мира). В бульварном романе помощь первого типа оказывается либо «прелюдией», подготовкой «клиента» к более интенсивной помощи (60.0 %), либо фоном для нее (46.7 %), либо подготовкой «консультанта» (опыт открытых, принимающих отношений и противоположность опыту травм, который дает возможность совладания и научения совладанию других людей) (80.0 %).

В описании ситуаций профессиональных психотерапевтических отношений участвуют:

- 1) «плохие» (часто собственно профессионалы) специалисты, обычно главные герои или герои второго плана, усиливающие страдания и / или общее неблагополучие «клиента». Это люди, которые «мстят» клиенту за его «непослушание» или иные «грехи», вплоть до «грехов» иных, значимых для консультанта, людей, непосредственное «отмщение» которым невозможно. Слабость личности и профессиональная незрелость побуждают их обращаться к навязыванию «клиенту» своих ценностей, моделей поведения и способов понимания и / или «помогать» клиенту медикаментозными средствами;
- 2) «хорошие» (чаще — волонтеры) психотерапевты характеризуются избытком личностных сил и потому противостоят «плохим» психотерапевтам, спасая от них клиентов, противопоставляя этим ценностям, моделям поведения и способам понимания «профессионала» свои собственные, но не вмешиваясь в ценности, поведение и понимание самих клиентов — просто «слушающие» и «принимающие», дающие клиентам опыт «принятия» (и толерантности, в том числе к своему и к их непониманию происходящего с клиентом). Вариант «хорошего психотерапевта» в мужском романе — детектив и даже — киллер (психолог-сотрудник спецназа) — человек с большим жизненным опытом, а также профессиональными знаниями в области психологии и психопатологии, психотерапии, который либо предотвращает преступления «клиента», либо моделирует для него ситуации насилия и подавления сознания, в которых тот может «реперезжить» и переработать травматический опыт, что требует от него «вскрытия» ран не только клиента, но и своих собственных. Иногда вплоть до полного нарушения человеческих ценностей: насилие превращается в инструмент «психотерапии», что приводит впоследствии к разрушению отношений с клиентом и / или разрушению личностей клиента и психолога — когда «психолог» теряет этический контроль («власть любви») над собственным стремлением к власти;
- 3) клиенты, пострадавшие на ранних этапах своего развития и / или живущие в травмирующих условиях, которые приходят на прием к специалисту и / или попадают в специализированную психиатрическую клинику в принудительном порядке после «патологического инцидента» или серии таких «инцидентов». «Клиенты» также могут быть (в мужском романе) преступниками и / или

жертвами преступления, провоцирующими «психотерапевта», нарушающими его целостность и психическое здоровье и / или обращающиеся к нему как к последней надежде на помощь и собственное исцеление.

Психотерапевтическая ситуация — ситуация реабилитации клиента после психической травмы

или жизненного кризиса в условиях стационара, в условиях свободного посещения специалиста или в повседневном общении «клиента» со своим близким — «волонтером» или профессиональным психотерапевтом (или лицом, его заменяющим — физиотерапевтом, сиделкой, шаманом, гуру и т. д.).

Таблица 3

Психотерапевтическая помощь в бульварных романах

Обыденная психотерапевтическая помощь	Профессиональная психотерапевтическая помощь
<ul style="list-style-type: none"> — реальное равенство субъектов и / или смена ролей «консультант» — «клиент»; — общее понимание; — техники обмена пониманиями и обмен непониманиями (предъявление непонимания, трансляция ложного понимания, обнаружение затруднений перехода от непонимания к пониманию); — физический контакт — углубленный, в него привносится духовное измерение — возвышение физических отношений и различие истинной и ложной («болезненной») сексуальности (донжуанизма и т. д.) — духовность телесного общения как преодоление «грязного», проблемного характера; — духовный контакт «заземляется» физическим — любовь к конкретному человеку и понимание его способа воплощения духовных ценностей — различие лжедуховности и истинной духовности, преодоление представления о «недосягаемости», невозможности духовного бытия; — примирение с собой и с миром: нахождение собственной ниши — своего жизненного пути, а не чужого — в рамках возможностей данной культурно-исторической общности как своей, а не чужой («чужого — нет»), подвижность границ; — стадии взаимопонимания: <ol style="list-style-type: none"> 1) предъявление — обмен схемами и их отторжение, непонимание, конфликт — типично; 2) обмен схемами и способами понимания, принятие схем — доступно всем, кто хочет понять; 3) создание общих способов понимания — только для «истинно любящих» — «игры понимания» (создание и сохранение «приятных тайн» и «умолчаний»: «зеленый пиджак на день рождения» для «моей валькирии») 	<ul style="list-style-type: none"> — стремление к паритетности и отношения власти — подчинения; — общее понимание и понимание консультанта — ведущие; — техники, подобные техникам «гуру», — работа с изменениями состояний сознания; — психологический уровень, реже — интеграция с духовным и психофизиологическим; — духовное в контексте помощи обычно не рассматривается, что снижает ее эффективность и сводит помощь к поиску проблем и патологий, а не к пониманию индивидуального способа воплощения человеческих ценностей в жизни конкретного человека, в том числе в его физических и психологических проявлениях и «нарушениях»; — физическое не рассматривается, что превращает помощь в подчас болезненное осознание человеком собственной беспомощности и / или созданию иллюзии могущества за счет пугающего, а не обогащающего столкновения с бессознательным; — нахождение человеком собственного пути или адаптация к миру — решение о том, что считать чужим, а что своим, изменение границ; — стадии взаимопонимания: <ol style="list-style-type: none"> 1) понимание клиентом психотерапевтической ситуации и предъявление собственных схем и способов понимания консультанту; 2) понимание психологом клиента и предъявление собственных схем и способов понимания; 3) присвоение или конфликт отвержения клиентом схем и способов консультанта («индоктринация»), реже — создание общих схем и способов осмысления происходящего

Психотерапевтическая ситуация включает:

- 1) историко-культурный контекст и его конкретное воплощение в жизни индивида: его жизненной ситуации как «ада», «рая» или «рутины», ценности и способы их воплощения в мире клиентом, обозначение взаимосвязи культурно-исторических проблем и противоречий и проблем, конфликтов героя и / или его отношений с собой и с миром;
- 2) инцидент, потрясение — необычное и в разной мере травматичное для психики событие — «столкновение с реальностью» как встреча человека с «иной реальностью» или с «иным человеком»

- (необычным для опыта клиента, иногда это сам психотерапевт). Эта «инаковость» может проявляться как 1) позитивная («шанс, которого я так долго ждал») и 2) негативная («почему это случилось именно со мной?») — в разной степени понятная и ценная для человека. обычно речь идет о встрече с непонятым, внешне не интересным (индифферентным) или угрожающим (неприятным), но внутренне, т. е. бессознательно, интересным и весьма позитивным;
- 3) «топтанье вокруг да около» — «самоподтверждающиеся пророчества» о невозможности и ненужности изменений,

- внутреннее опустошение и игнорирование новых столкновений с «иным», усиление удержания, еще большее снижение разнообразия способов понимания, моделей общения, активизация «защитных механизмов», а не личности, собственных ценностей, усталость от обыденности;
- 4) поиск изменений, встреча и «путешествие» к поиску нового понимания человеком самого себя и окружающего мира — т. е. сама по себе ситуация психотерапии, превращение «трагедийного» в «оптимистическое», и наоборот, поиск спрятанного от самого себя и от других — собой и другими людьми, изменение отношения к наказанию и поощрению, направления этого наказания и поощрения — формирование внутреннего, субъектного локуса, полнота жизни, умение «отпускать» то, что раньше удерживалось, разнообразить ранее единообразное и ставить на карту самого себя, а не свои «защитные механизмы»;
- 5) «посттерапевтическая ситуация» — привнесение изменений в собственную жизнь клиента и жизнь других людей, становление клиента самопсихотерапевтом, трансляция полноты жизни другим людям, принятие обыденности как изменяющейся, уместные и подвижные защиты, проживание своей жизни и интерес к жизни других,

часто — воспроизведение опыта психотерапевтической помощи в общении с близкими — другой «сладкой парочкой».

Выводы и перспективы исследования.

В целом возможности и ограничения обыденных психотерапевтически ориентированных контактов приближаются к профессиональным. В некоторых случаях, когда в окружении субъекта не находится человека, могущего помочь и заинтересованного в такой помощи, более успешной и эффективной может оказаться профессиональная помощь, в которой клиент получает развернутую прямую и обратную связь о понимании им себя и окружающего мира. В случае обыденной психотерапевтической помощи обычно наблюдается существование в жизни «клиента» человека, проявляющего желание помочь и способного в силу своего жизненного опыта это сделать. Общение с «консультантом» может быть жизненно значимо для клиента по нескольким основаниям, помимо собственно психотерапевтических. Эффективная, продуктивная помощь заключается в обыденном взаимодействии в сознательном отказе от «психологизирования» как попыток концептуализации (схематизации) проблем «клиента» в пользу обсуждения своего понимания или непонимания клиента, его высказываний и поступков — в конкретной ситуации общения с ним, а также по поводу его общения с другими людьми, в которые «консультант» оказывается тем или иным образом включен.

ИСТОЧНИКИ

1. Андриянова И.А. Бульварный роман: специфика, сюжет, выразительные средства / И.А. Андриянова // Труды Псковского политехнического института. — 2006. — № 10.1 — С. 53–55.
2. Арпентьева М.Р. Взаимопонимание как феномен межличностных отношений (на материале психологического консультирования) : дис. ... д-ра психол. наук / Арпентьева М.Р. — М. : МГУ, 2015. — 497с.
3. Болонева М.Л. О некоторых аспектах жанра чиклит / М.Л. Болонева // Вестник ИГЛУ. — 2014. — № 2 (27). — С. 261–267.
4. Бочарова О. Формула женского счастья / О. Бочарова // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 22. — С. 292–302.
5. Вайнштейн О.Б. Розовый роман как машина желаний / О.Б. Вайнштейн // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 22. — С. 303–331.
6. Жеребкина И. «Прочти мое желание»: постмодернизм, психоанализ, феминизм / И. Жеребкина. — М. : Идея-Пресс, 2000. — С. 69.
7. Кавелти Дж. Изучение литературных формул / Дж. Кавелти // Новое литературное обозрение. — 1996. — № 22. — С. 33–65.
8. Козлов Е.В. Серийность в паралитературе: интратекстуальные образования и издательские серии / Е.В. Козлов // Массовая литература на рубеже XX–XXI веков : сб. науч. тр. — М. : Азбуковник, 2003. — С. 201–211.
9. Косолапов М. Бонд — мифогенетический анализ / М. Косолапов // Искусство кино. — 2000. — № 4. — С. 52–58.
10. Маслоу А. Психология бытия / А. Маслоу. — М.; К. : Рефл-бук, Ваклер, 1997. — 304 с.
11. Ремаева Ю.Г. Постфеминистская проза Британии на рубеже XX–XXI вв. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.Г. Ремаева. — Н. Новгород, 2007. — 21 с.
12. Тарханова К. Дамский роман / К. Тарханова // Искусство кино. — 2000. — № 6. — С. 118–119.
13. Цукерман А. Как написать бестселлер / А. Цукерман. — М. : Армада, 1997. — С. 113.
14. Bottingheimer, R. B. (1987). *Grimms Bad Girls and Bold Boys*. New Haven: Yale UP, 234 p.

15. Cohler, D., Phillips, K. J. (2007). Review of Manipulating Masculinity. *Journal of Women in Culture and Society*, Vol. 33, Issue I. Minnesota: Minnesota Press, 15–18.
16. Ferriss, S., Young, M. (2005). *Chick Lit: The New Woman's Fiction*. New York: Routledge, 282 p.
17. Roccella, E. (1998). *La letteratura rosa*. Roma, Editori Riuniti, 220 p.

REFERENCES

1. Andriianova, A. (2006). Bulvarnyi roman: spetsifika, siuzhet, vyrazitelnyie sredstva. *Trudy Pskovskogo politekhnicheskogo instituta*, 10.1, 53–55.
2. Arpentieva, M. (2015). *Vzaimoponimanie kak fenomen mezhlchnostnykh otnoshenii (na materiale psikhologicheskogo konsultirovaniia)*. Doctoral dissertation, M.: MGU, 497 s.
3. Boloneva, M. (2014). O nekotorykh aspektakh zhanra chiklit. *Vestnik IGLU*, 2 (27), 261–267.
4. Bocharova, O. (1996). Formula zhenskogo schastia. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 292–302.
5. Vainshtein, O. (1996). Rozovyi roman kak mashina zhelanii. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 303–331.
6. Zherebkina, I. (2000). «Prochti moie zhelanie»: postmodernizm, psichoanaliz, feminizm. M., Ideia-Press, 69 s.
7. Kavelti, Dzh. (1996). Izuchenie literaturnykh formul. *Novoe literaturnoe obozrenie*, 22, 33–65.
8. Kozlov, Ye. (2003). Seriinost v paraliterature: intratekstualnyie obrazovaniia i izdatelskie serii. In Ye. V. Kozlov (Eds.), *Massovaia literatura na rubezhe XX–XXI vekov: sb. nauchnykh trudov*. M., Azbukovnik, s. 201–211.
9. Kosolapov, M. (2000). Bond – mifogeneticheskii analiz. *Iskusstvo kino*, 4, 52–58.
10. Maslou, A. (1997). *Psihologiiia bytiia*. K., Refl-buk, Vakler, 304 s.
11. Remaieva, Yu. (2007). *Postfeministkaia proza Britanii na rubezhe XX–XXI vv. Avtoref. diss. ... kand. fil. n.*, 21 s.
12. Tarhanova, K. (2000). Damskii roman. *Iskusstvo kino*, 6, 118–119.
13. Tsukerman, A. (1997). *Kak napisat bestseller*. M., Armada, s. 113.
14. Bottingheimer, R. B. (1987). *Grimms Bad Girls and Bold Boys*. New Haven: Yale UP, 234 p.
15. Cohler, D., Phillips, K. J. (2007). Review of Manipulating Masculinity. *Journal of Women in Culture and Society*, Vol. 33, Issue I. Minnesota: Minnesota Press, 15–18.
16. Ferriss, S., Young, M. (2005). *Chick Lit: The New Woman's Fiction*. New York: Routledge, 282 p.
17. Roccella, E. (1998). *La letteratura rosa*. Roma, Editori Riuniti, 220 p.

Маріям Арпент'єва

БУЛЬВАРНИЙ РОМАН: ПОВСЯКДЕННІ Й ПРОФЕСІЙНІ ПСИХОТЕРАПЕВТИЧНІ ВІДНОСИНИ

Бувльварний роман (бульварна література, бувльварне читиво) — жанр масової літератури, розповідні книги без вираженого художнього та культурного значення. Бувльварний роман з моменту його проникнення в СНД став предметом численних дискусій. Однак, як і багато інших «маргінальних» жанрів художньої літератури, які мають не стільки художньою, скільки «міфотворчу» функцію, бувльварний роман багато в чому залишається обійденим увагою дослідників. Популярність останнього і його схожість з традиційними міфами багато в чому пояснюється його зовнішньою простотою, здатністю розважити і відволікти читача, допомагати у вирішенні проблем, що стосуються відносин з іншими людьми й виходу з кризових ситуацій. Однак його вплив виходить далеко за межі ситуативного настрою читача.

Ключові слова: *бульварний роман, міф, інтертекст, літературні формули, психотерапія.*

Mariyam Arpentieva

SHOCKER: CASUAL AND PROFESSIONAL PSYCHOTHERAPEUTIC RELATIONSHIP

Shocker (dime novel, chick lit) is defined as a genre of mass literature, narrative the books without significant artistic and cultural value. Shocker has been the subject of numerous discussions since the moment of its introduction to Russia. However, like many other "marginal" genres of fiction, with not so much artistic but "mythic-creative" function, and the attention of researchers, shocker in many respects is overlooked. Popularity of the shocker and its similarity with the traditional myths is largely due to its external simplicity, the ability to entertain and divert the reader, to help in solving problems of relationships with other people and resolving crises. However, its impact goes far beyond the situational mood of the reader. The "shocker" can be studied as a modern version of the myth. Numerous variations of a single story

in the interpretations of different authors allow us to consider a novelette as a "hypertext", the meaning of which is revealed in the interaction and the mutual superposition of the individual texts. Shocker sums up the experience of contemporary and previous generations. It summarizes the nature of philosophy, reveals the world through the prism of the author's experience, and represents generation. Besides, it contains more obvious references to the mythological and philosophical aspects of the person's and the community's life, as a phenomenon of the late twentieth century, has the property of intertextuality. The function of a shocker as a phenomenon is broadcast to the main reader some basic effective models of relationships and behavior in everyday and crisis situations – personal and professional life, training these models.

Key words: shocker, myth, intertext, literary formulas, psychotherapy.

УДК 821.161.2: Бендер

ORCID iD 0000-0001-6353-9044

Антон Бузов

«БЕЗУМНИЙ ПАКТ» ЯК ІСТОРІЯ ОДНІЄЇ ІНІЦІАЦІЇ: НОВЕЛА ВІТАЛІЯ БЕНДЕРА «ТАЄМНИЦЯ» В КОНТЕКСТІ МОДЕРНІСТСЬКИХ ПОШУКІВ АВТОРА

У статті розглянуто поетикальні домінанти новели Віталія Бендера «Таємниця» як зразкового відносно модерністських пошуків автора. Здійснено аналіз новели на фабульному рівні. У творі послідовно виділено фази обособлення, встановлення партнерства, смертельного випробування. Використання класичних сюжетних схем під час дослідження літературного доробку Віталія Бендера дає змогу повніше розкрити не лише загальнолюдський пафос та гуманістичну спрямованість тексту новели, але й його ідейно-естетичну своєрідність. Відзначено, що у «Таємниці» автор розкриває особливий вимір ініціації українського емігранта на чужині — інтимний. Підкреслено, що втрачена в умовах екзилу ідентичність віднаходиться шляхом утворення особистих стосунків головних героїв аналізованого твору. Підсумовано, що звернення Віталія Бендера до зазначеної проблематики є показником його модерністських зацікавлень.

Ключові слова: еміграція, поетика, ініціація, самоідентифікація, модернізм, дискурс.

Звернення до мистецької спадщини Віталія Бендера сьогодні є своєрідним жестом повернення цього незаслужено невідомого на Батьківщині імені до літературного й навколелітературного обігу. Практика, коли за кордоном митець дістає більше визнання, ніж у рідній країні, загалом характерна для українського літературного процесу ХХ століття, протягом якого був витворений цілий масив художніх текстів письменників-емігрантів, більшість із яких мала лише етнічний зв'язок із Україною, вповні реалізувавшись на зарубіжних теренах. Доробок Віталія Бендера досі є непоцінованим на його Батьківщині. Відомий переважно в британській, німецькій та американській еміграційній пресі у ролі публіциста й політичного діяча, на «материковій Україні» Бендер та його творчість донедавна лишалися справжньою terra incognita, обділеною

увагою як фахових дослідників, так і поціновувачів художнього слова. Причому рівномірно обійденими увагою науковців лишилися як літературна, так і публіцистична спадщина митця.

Так, у словнику-довіднику «Українська діаспора: літературні постаті, твори, біобібліографічні відомості» за редакцією Віри Просалової [14], що є одним із найповніших довідкових видань подібного характеру в сучасній українстиці, подано переважно джерела мемуарного характеру, що стосуються біографії письменника. Лаконічні спогади про Віталія Бендера залишили Р. Василенко [6], М. Дальний [9], І. Качуровський [10]. Найповніше на сьогодні видання творів письменника [2] містить передмову О. Коновала, у якій подано короткі відомості про життєвий шлях літератора, проте повністю відсутні спроби фахового аналізу текстів Бендера [12].